

Когда Ши Чанфэн вошёл вместе с остальными, некогда просторная и уютная палата показалась тесной. Цзянь Хуай внезапно почувствовал волнение. Его красивые брови слегка нахмурились, а левая рука неосознанно прижалась к столу, слегка согнув четыре пальца, кроме большого, и несколько раз царапнула пластиковую поверхность. Его ногти были аккуратно подстрижены, а движения были лёгкими и бесшумными. Цзянь Бохань, стоявший спиной к Цзянь Хуаю, не заметил его осторожных действий.

Ши Чанфэн, повернувшись к Цзянь Хуаю, посмотрел на его пальцы и сказал интернам:

— Вы, ребята, должны систематизировать записи осмотров и вносить их в медицинские карты.

Это был способ сказать им, чтобы они уходили, и стажеры, поняв намёк, ушли.

В комнате снова стало пусто. Цзянь Хуай почувствовал облегчение, и его пальцы перестали бессознательно чесаться, но левая рука оставалась прижатой к столу, чтобы спрятать кинжал в рукаве.

Холодное лезвие постепенно нагревалось от тепла его тела.

Его кожа постепенно привыкала к кинжалу. Нож казался продолжением Цзянь Хуая, и если бы не слегка приподнятый кончик, вызывающий лёгкое покалывание на коже, Цзянь Хуай почти забыл бы, что у него в руках острое оружие.

Увидев, что Ши Чанфэн тактично выпроводил других врачей, Цзянь Бохань был в хорошем настроении.

— Доктор Ши, я думаю, нам нужно сесть и поговорить о состоянии Цзянь Хуая. Вы только что взяли на себя это дело, так что вы не очень хорошо с ним знакомы. Я хорошо знаком с изменениями в его состоянии и могу рассказать вам некоторые подробности, которых нет в медицинской карте.

Затем он жестом пригласил его сесть, намереваясь обсудить дело в палате Цзянь Хуая.

За столом в палате было только два места, предназначенных для лечащего врача и пациента, чтобы они могли ненадолго поговорить. После того как Цзянь Бохань сделал жест, Цзянь Хуай встал и освободил для них место.

Он прислонился к стене с безразличным выражением лица, не проявляя интереса к предстоящему разговору.

Цзянь Хуай слышал бесчисленное множество подобных разговоров.

Цзянь Бохань имел значительное влияние в области психиатрии и был очень искусен в использовании языка и внушений.

С юных лет, когда бы посетители ни упоминали Цзянь Хуая, Цзянь Бохань хвастался и восхвалял своего сына, создавая впечатление, что Цзянь Хуай может быть немного не в себе. Поэтому, когда год назад Цзянь Хуая положили в больницу, никто не удивился. Они даже подумали, что сына профессора Цзяня нужно лечить как можно скорее.

Всего несколькими словами лечащий врач Цзянь Хуая стал полностью подчиняться Цзянь Боханю, и тот полностью контролировал план лечения Цзянь Хуая.

Цзянь Хуай опустил глаза, вспомнив, что в лекарстве, которое ему давали два дня подряд, вчера и сегодня, одну таблетку заменили на витаминную. Он не выбросил эти две таблетки, а спрятал их под подушку.

Профессор Цзянь обнаружит их, когда позже придёт заправлять его постель.

Цзянь Хуай подумал про себя.

Он взглянул на Ши Чанфэна. Этот доктор Ши вскоре станет верным последователем профессора Цзяня.

Как только он подумал об этом, он услышал, как Ши Чанфэн сказал:

— Что касается ситуации с Цзянь Хуаем, я обсужу её с вами, профессор Цзянь, после обхода. Но сейчас мне нужно поговорить с самим Цзянь Хуаем. Внезапное появление нового лечащего врача, которого он не знает, может его смутить, поэтому ему нужно время, чтобы привыкнуть.

Затем он обошёл Цзянь Бохана и обратился напрямую к Цзянь Хуаю:

— Если тебе не по себе, ты можешь попросить члена семьи, которому доверяешь, остаться здесь. Если нужен приватный разговор, профессор Цзянь будет ждать снаружи. Если ты не хочешь разговаривать с незнакомцами, я уйду и вернусь позже, когда ты лучше меня узнаешь.

Ши Чанфэн посмотрел прямо на Цзянь Хуая, ожидая, что тот примет решение.

Улыбка Цзянь Боханя исчезла.

— Доктор Ши, возможно, вы не знаете, но у Цзянь Хуая явная склонность к агрессии. Он определённо захочет, чтобы меня здесь не было, чтобы он мог безнаказанно причинять вред другим.

Говоря это, Цзянь Бохань подошёл к Цзянь Хуаю и нежно взъерошил ему волосы.

— Ты ведь нервничаешь из-за незнакомцев, да? Сяо Хуай, ты помнишь, что делал, когда в последний раз видел дядю Линя? Дядя Линь, он всё ещё...

Действия Цзянь Боханя, казалось, сработали как спусковой крючок. От его близости и слов «дядя Линь»

Цзянь Хуая затошнило.

Честно говоря, Цзянь Хуай не помнил, кем был дядя Линь. Всё, что он помнил, — это крики мужчины средних лет и кровь, которая заливала его рот и ноздри. Цзянь Хуай прикрыл рот, его зрачки сузились, а от тошноты он чуть не задохнулся.

— Видите, даже упоминание о незнакомцах приводит Цзянь Хуая в крайнее возбуждение. Разговор наедине невозможен, — сказал Цзянь Бохань с жалостью в глазах. — Мой бедный сын.

Цзянь Хуай увидел, как большая рука Цзянь Боханя медленно тянется к его лбу. Его мышцы напряглись; он был на грани срыва. Цзянь Хуай знал, что как только Цзянь Бохань коснётся его лба, он потеряет контроль, вытащит кинжал из рукава и нападёт на всё, что окажется перед ним.

Это случалось бесчисленное количество раз с тех пор, как он был ребёнком. Всякий раз, когда он приходил в себя, Цзянь Бохань обнимал его с любовью и тихо говорил:

— Бедный мой ребёнок, у тебя есть только я.

Он беспомощно уставился на руку Цзянь Боханя, понимая, что его рассудок постепенно угасает.

Рука с отчётливо видными крепкими костяшками пальцев просунулась между ними. В сопровождении прохладного, освежающего аромата в ушах Цзянь Хуая зазвучал низкий, похожий на виолончель голос Ши Чанфэна:

— Профессор Цзянь, использование профессиональных навыков для негативного внушения кажется нарушением профессиональной этики.

Цзянь Бохань снова остановился. Он повернулся и посмотрел на Ши Чанфэна, сосредоточив взгляд на этом спокойном, как море, враче.

Казалось, он впервые по-настоящему посмотрел на Ши Чанфэна.

— Положительное или отрицательное, но, кажется, я более профессионально сужу, чем вы, — серьёзно сказал Цзянь Бохань.

— Это так? — Ши Чанфэн достал из кармана записывающее устройство. — Ради записи я ношу с собой записывающее устройство во время обходов. В области психиатрии у меня, может, и нет такого авторитета, как у профессора Цзяня, но есть много людей, которые лучше меня. Профессор Цзянь, вы хотите, чтобы я воспроизвёл этот разговор на семинаре и другие эксперты оценили его?

Цзянь Бохань сделал глубокий вдох, сохраняя лёгкую улыбку.

— Беседы между членами семьи и пациентами являются конфиденциальными. Они не могут быть раскрыты без согласия опекуна пациента. Я являюсь опекуном пациента. Вы помните правила конфиденциальности?

— Да, — тон Ши Чанфэна оставался твёрдым. — Вопрос в том, будет ли этот разговор считаться

семейным или формой психологического внушения. Как член семьи пациента, я, как врач, хотел бы предложить профессиональное решение. Пожалуйста, уходите и перестаньте использовать непрофессиональные выражения, чтобы не нервировать пациента.

Цзянь Бохань взглянул на Цзянь Хуая, который смотрел вниз, и продолжил мягко улыбаться.

— Вы правы. Мне следует ненадолго отойти в сторону.

Перед уходом профессор Цзянь хотел сказать ещё что-то, но увидел, что Ши Чанфэн держит записывающее устройство. Он проглотил слова и, сохраняя вежливое выражение лица, покинул палату.

Когда он ушёл, Ши Чанфэн убрал записывающее устройство и сказал Цзянь Хуаю:

— Тебе нужно сесть и отдохнуть.

Ши Чанфэн жестом предложил ему помощь, но Цзянь Хуай сопротивлялся и уклонялся от его жестов, возвращаясь к столу и садясь, опираясь на стену.

Ши Чанфэн тут же протянул ему стакан тёплой воды.

Прозрачное стекло преломляло солнечные лучи. Цзянь Хуай посмотрел на стакан и вдруг спросил:

— На улице идёт снег?

— Нет, сегодня прекрасный день, солнечный и ясный, — Ши Чанфэн не выказал удивления и ответил непринуждённо, как будто разговаривал с другом: — Что ты сегодня ел? Тебе нравится снег?

Цзянь Хуай на мгновение опешил, а затем схватился за стакан обеими руками.

— Я не знаю. Я не уверен, что мне нравится. Однажды я видел снег. Я зарылся лицом в снег и, кажется, долго там пролежал. Когда я поднял голову, моё лицо онемело от холода. Потом я

умылся горячей водой, и мне показалось, что моё лицо долго гнило. С тех пор я не смотрел в зеркало.

От его обычного тона у Ши Чанфэна ёкнуло сердце.

Доктор Ши осторожно спросил:

— Сколько тебе тогда было лет? Почему ты так долго прятал лицо в снегу?

Взгляд Цзянь Хуая был рассеянным. Он немного подумал, прежде чем ответить:

— Я не помню. Кажется, я был совсем маленьким. Я не люблю снег. Он колется и причиняет боль.

Если с раннего возраста органы чувств ребёнка постоянно подвергаются воздействию негативных факторов, он может начать не любить похожие вещи.

Например, если вы позволяете ребёнку прикасаться к пушистому животному, он сначала проявляет симпатию. Затем вы издаёте резкий, высокий звук, который вызывает у него дискомфорт всякий раз, когда он прикасается к чему-то пушистому. Через некоторое время ребёнок будет громко плакать всякий раз, когда прикасается к чему-то пушистому, а некоторые даже будут бояться собственных волос на теле, когда вырастут.

Ши Чанфэн посмотрел на 18-летнего юношу, который только что достиг совершеннолетия, и постарался говорить спокойно:

— Почему ты вдруг заговорил о снеге?

Цзянь Хуай схватил Ши Чанфэна за рукав, опустил голову и принялся.

— Я чувствую запах снега. Он холодный и приятный.

Ши Чанфэн тоже понюхал свою одежду, но не почувствовал ничего, кроме запаха дезинфицирующего средства.

Цзянь Хуай посмотрел на Ши Чанфэна и тихо усмехнулся.

— Я не люблю снег, но мне нравится его запах. Он чистый и холодный, и он может перебить запах крови.

Ши Чанфэн нахмурил брови.

После ухода Цзянь Боханя выражение лица Цзянь Хуая постепенно вернулось к нормальному. Он постучал себя по носу и прошептал:

— Мой нос всегда был очень чувствительным. Я не рассказывал профессору Цзяню об этом секрете, но для вас сегодня сделаю исключение.

— Почему я? — Ши Чанфэн был слегка удивлен.

Цзянь Хуай встал, достал из-под подушки две таблетки и положил их на ладонь Ши Чанфэна. Он указал на таблетки.

— Это витамины. Я чувствую их запах.

Ши Чанфэн знал, что это витамины. Он лично заменил две таблетки вчера и сегодня.

Приняв на себя ведение дела Цзянь Хуая, он заметил необычную дозировку. Он попытался изменить медицинские рекомендации, но состояние и личность Цзянь Хуая были слишком особенными, и он был новичком в больнице, поэтому не решался действовать опрометчиво. Поэтому Ши Чанфэн вчера аккуратно заменил таблетки. Через 24 часа он сразу же пришёл на обход, чтобы убедиться, что Цзянь Хуаю действительно нужна такая высокая дозировка нейролептиков.

Ши Чанфэн не стал объяснять свои действия, а вместо этого спросил:

— От меня пахнет снегом. А от остальных? Можешь сказать мне?

— От предыдущего лечащего врача пахло гнилой древесиной. От санитарки, которая каждый день приносит еду и лекарства, пахнет формальдегидом. От профессора Цзяня пахнет... свежими трупами, — Цзянь Хуай пристально посмотрел на Ши Чанфэна, ожидая его реакции.

Процесс общения с пациентом — это также процесс взаимного тестирования и установления доверия. Цзянь Хуай подавал сигнал о том, что к нему можно обратиться, используя некоторую информацию, чтобы проверить реакцию Ши Чанфэна.

Это был умный пациент. Его пять органов чувств были более чувствительными, чем у обычных людей. Он даже намеренно встряхнул левой рукой, показав след от кинжала на рукаве, и постоянно следил за движениями Ши Чанфэна.

— Все работники пахнут одинаково? — спросил Ши Чанфэн, уклоняясь от главного вопроса.

— Одно дело — другое... а! — Цзянь Хуай, кажется, что-то вспомнил. Он встал, подошёл к шкафу, открыл дверцу, и Ван Сяошуай, который от страха упал в обморок, выкатился из шкафа.

Ши Чанфэн: "..."

Ван Сяошуай сильно ударился лицом о землю, и боль разбудила его. Он тут же прикрыл место удара и закричал:

— Боже мой! Я до смерти напуган! Твой отец ужасен! Он меня убьёт!

Он дважды вскрикнул, прежде чем заметил, что в палате есть ещё один человек. Ван Сяошуай быстро спрятался за Цзянь Хуаем и осторожно выглянул, чтобы посмотреть на третьего человека. Увидев, что это Ши Чанфэн, он почувствовал облегчение и бросился к доктору со словами:

— Доктор Ши, позвольте мне сказать вам, что прошлой ночью действительно были монстры. Ночью в нашей больнице что-то не так! Если вы мне не верите, Цзянь Хуай тоже это видел! Вы тоже новый врач в третьей больнице, и вчера вечером вы были в ночную смену. Вы тайне нарушили «три запрета»? Пожалуйста, не дайте мне остаться единственным, кто поёт эту песню в одиночестве. Кажется, я схожу с ума!

Поток слов Ван Сяошуая оживил тишину. Ши Чанфэн молчал.

Видя, что врач ничего не говорит, Ван Сяошуай обратился за помощью к Цзянь Хуаю:

— Цзянь Хуай, ты ведь тоже это видел, да?

— Я не знаю, — решительно сказал Цзянь Хуай. Казалось, он отвечал Ван Сяошуаю, но его взгляд был прикован к Ши Чанфэну.

Ван Сяошуай всхлипнул, бессвязно объясняя, что он не лжёт. Ши Чанфэн автоматически отфильтровал голос Ван Сяошуая, превратив его в фоновый шум, и задумался над словами Цзянь Хуая.

Цзянь Хуай сказал, что не знает, есть ли у него что-то, что ему нравится, но это не значит, что ему ничего не нравится. Точно так же он не знает, происходили ли прошлой ночью странные вещи, но это не значит, что он их не видел.

Это было не «я не знаю», а «я не уверен».

Цзянь Хуай не мог с уверенностью сказать, реальны ли вещи, которые он воспринимал органами чувств. Его зрение, слух и осязание были искусственно ослаблены; осталось только обоняние.

Ши Чанфэн посмотрел на Цзянь Хуая, понимая, что пациент ждёт ответа, подтверждения того, что его чувства не обманывают его.

— Я видел это, — уверенно и убеждённо сказал Ши Чанфэн.

— Прошлой ночью в полночь все кнопки вызова сработали одновременно. Я открыл палаты пациентов, и все они, как зомби, вышли из своих палат. Они бродили до рассвета, прежде чем вернуться в свои палаты. Когда я обходил пациентов этим утром, каждый из них сказал, что прошлой ночью они очень хорошо спали, проспали всю ночь и не просыпались.

Ван Сяошуай, словно найдя спасителя, бросился к Ши Чанфэну, такой благодарный, что чуть не упал на колени и не обнял его ноги:

— Наконец-то кто-то мне поверил!

Ши Чанфэн спросил Цзянь Хуая:

— А как насчет тебя?

Цзянь Хуай поджал губы, его обычно туманные глаза постепенно прояснились.

— С самого детства я задавался вопросом: мир сошел с ума или я?

В этот момент Ши Чанфэн был абсолютно уверен в состоянии Цзянь Хуая. Он разжал ладонь, на которой лежали две витаминные таблетки. Он уверенно сказал:

— Ты не сумасшедший. Ты более осозанный и чувствительный, чем кто-либо другой. Мир вокруг тебя безумен.

Услышав его слова, Цзянь Хуай тут же сел на пол, глубоко дыша.

Ему показалось, что он впервые в жизни почувствовал комфорт от дыхания.

<http://bllate.org/book/13781/1216445>